

— Зин, а Зин, ты меня слышишь? — ответа не последовало. Только кот Василий недовольно заворочался в ногах. Удивительная животина этот кот Василий. Он Сонечке понравился сразу. Он умел читать ее мысли. Она никому об этом не рассказывала, но сама точно знала, что у нее с этим зеленоглазым пятнистым зверем есть телепатическая связь.

Когда она увидела его в первый раз, то подумала: «Какой красивый кот», и он тут же подошел и начал тереться об ее ноги. А вечером, когда они определились со спальными местами, Соня посмотрела на него и тихонько сказала: «Я не возражаю, если ты будешь со мною спать, но только в ногах, на подушку, к лицу, не лезь, а то выставлю из горницы». Василий все понял и с тех пор греет ее ноги уже полтора года. Правда, грел он ноги не всегда. Иногда на пару недель исчезал, но потом, нагулявшись, возвращался как ни в чем не бывало.

— Ах ты, шатун такой! Где же тебя носит? — ругала кота Сонечка, но он только стыдливо отводил глаза. Она смеялась, и мир был восстановлен.

Еще бывали минуты кокетства. Это когда Василий строил ей глазки. Он муркал, поднимал к ней свои зеленые глаза с узкими зрачками и начинал играть ими. Зрачки то расширялись, то сужались. В это время морда у кота была на удивление смеющаяся. Сонечка не всегда его понимала, но всегда гладила и говорила ему хорошие слова. Так они укрепляли свои связи.

За окном по-прежнему мело. Снег стучал в ставень. Было рано и поэтому темно, но нос уже приятно щекотал запах пекущихся оладьев. Значит, хозяйка Клава встала и готовит завтрак. Сегодня воскресенье, можно себя побаловать и понежиться подольше в постели.

— Сонь, чего тебе не спится? Сегодня же воскресенье. Дел у нас никаких нет,— подала голос подруга Зина.— А ты будишь меня ни свет ни заря. Совести у тебя нет. Спишь со своим котом Васькой, так и спи дальше.— Зина потянулась и еще глубже зарылась под одеяло.— А там все метет? Вот проклятое место! Если дождь, то льет неделю, если вьюга, то две недели, а уж если засуха, то пока все не сгорит, не успокоится! Ты чего меня звала?

— Зин, мне нужно в Колдыбань!

— Зачем это тебе нужно? Метет три дня, никто туда проехать не сможет. Здесь же ездят по столбам, а сейчас даже их не видно. Мы вчера с тобою до школы еле добрались. Забыла? Еще хорошо в колокол звонили, а так бы заблудились.

— Да я и сама это знаю, но у мамы скоро день рождения и я хотела ей отправить денег на подарок, и, может быть, сумела бы с нею поговорить. Ты знаешь, Зин, я соскучилась. Вот сегодня мне приснилось, что мы под нашей старой шелковицей, ну той, что папа спилил, сидим и пьем чай! Все вместе, понимаешь?

Зина это хорошо понимала, потому что сама тайком плакала по маме и брату. Они с подругой Сонечкой второй год учительствовали в селе Горюхине.

Село называлось так не из-за горя, а из-за того, что стояло на горушке. Этот холм так назвать можно было с натяжкой, но возвышенность была. На самой высокой точке была построена церковь, а рядом с нею добротное здание школы. Так два храма, Божий и знаний, стояли рядом.

Церковь была действующая. Священником в ней служил молодой, лет двадцатипяти статный парень. Он приехал сюда так же, как и учительницы, по распределению. Дали ему приход, дьякона и придурковатого человека, который любил звонить в колокол. В такую метель — это было спасением, потому что делал он это не переставая, хорошо, звон был не тревожным, а успокаивающим, дарящим веру в жизнь всем заблудшим и потерявшимся в степи.

Девушки со священником, батюшкой Николаем, раскланивались, перебрасывались парой фраз о погоде, но на более близкий контакт не

шли. Они в глубине души жалели его и посмеивались, не понимали, что он может искренне верить в Бога, потому что сами были далеки от религиозных учений. Сонечка окончила факультет физики и математики, а Зинуля была биологом.

Объединяло их только то, что они все трое оказались в одном месте и в одно и то же время по распределению. Но не только это связывало их. Все трое несли в народ светлое и доброе. Соня как-то сказала отцу Николаю про одного ученика, что он способный парень, ему учиться надо дальше, а семья этого не понимает. Через какое-то время парень уехал в Куйбышев, поступил в техникум. Соня поблагодарила отца Николая, а он просто ответил:

— Все в руках Божьих,— улыбнулся и пошел. Сонечка поняла, что ему это было приятно.

Однажды рано утром, перед экзаменами, они с Зинулей решили сбегать на Иргиз искупаться.

Иргиз — чудная, прозрачная, чистая речка текла между песчаными берегами и имела плотное укатанное дно. Течение было, но не сильное. Глубины в речке — по шею, а ширины было метров десять — пятнадцать. Все пили воду из Иргиза и купались в нем. Славная речка, дарящая всему живому радость.

Даже в банный день, в субботу, если позволяла погода, девушки предпочитали натаскать воды для мытья из реки, чем из колодца, который был ближе. Легкость воды Иргиза радовала тело!

Так вот, раненько утром они пришли на речку и застали там отца Николая. Они вначале хотели уйти, но он помахал им рукой и прокричал, что вода теплая. Они разделись, а отец Николай в это время вышел из воды. На нем были нормальные цивильные плавки. Не семейные трусы, как у многих сельчан. И только окладистая борода мешала воспринимать его как нормального молодого парня. Он был загорелым, с хорошим мускулистым телом, мужчиной. Девушки переглянулись. Им обеим пришла одна и та же мысль: «А где это наш батюшка приобрел такое красивое тело?»

С этого раза они стали смотреть на него другими глазами. Они начали его стесняться. Видимо, время делало свое дело. Бывшие студентки превратились в женщин, готовых вступить в брак и начать самостоятельную жизнь. Но с этим были очень большие сложности. У каждой из девушек была своя причина, по которой она оказалась здесь, в селе Горюхине.

Сонечка жила в Таганроге с мамой — учительницей русского языка и литературы и с папой — рабочим, слесарем высокого разряда. Она в семье была старшей дочерью. Еще был брат Саша и сестра Оленька. Семья была удивительная, потому что они все очень любили друг друга.

Мама с утра до вечера пропадала в школе. То родительское собрание, то дополнительные занятия, то педсовет, а домой еще приносила тетради на проверку, поэтому домашние дела Соня делила с папой.

Мама у Сони была белотелой красавицей. Соня это поняла тогда, когда их после девятого класса, отличников, премировали поездкой в Ленинград. Сонечка ходила по Эрмитажу и почти в каждой картине или скульптуре видела свою маму. Такие же руки, ступни, красивые длинные пальцы, поворот головы, улыбка. Ее ошеломили эти открытия, но потом она поняла, что ее мама не только умная и добрая, но классически красивая женщина.

Она не понимала только одного, как такая божественная женщина смогла выйти замуж за их папу? Нет, папу Соня любила и уважала. Она знала, что он умный и достойный человек, но он был старше мамы, все его тело покрывали черно-седые кучерявые волосы, кустились лохматые брови, и только чистые голубые глаза всегда лучились улыбкою. Руки у папы умели делать все. Он два года провел в окопах Гражданской войны и четыре года в окопах Отечественной. После такой школы Жизни, его уже ничем нельзя было удивить.

Но самым большим достоинством папы была его безмерная любовь и преданность семье. Он любил повторять, если наступали неприятности: «Фараонов пережили, переживем и это». Кто такие фараоны Софа по малолетству не знала, но ей нравилось это изречение.

И еще ей понравилось, как ответил папа соседке. Брату Сане было тогда лет одиннадцать. Он подрался, и его жутко избили. Синяк под глазом, нос распух, на щеке ссадина.

— Иосиф, что случилось с вашим мальчиком? Он что, попал под трамвай?

— Нет, уважаемая. Он учится быть мужчиной.

Соня долго потом обдумывала эту фразу «Учится быть мужчиной!». Как это правильно и красиво!

Но больше всего Сонечке понравилось напутствие, которое пожелал ей папа, после окончания школы:

— Дочка, в Талмуде сказано: «Сто смертей и ни одного позора!». Так трудно жить, но нужно. Будь счастлива и стой всегда прямо, а если тень кривая, то не обращай на нее внимания.

И это сказал ей папа, слесарь, а не заслуженный педагог. Соня гордилась своими родителями.

Она очень любила папу. Она любила прижиматься к его плечу, а он целовал ее в волосы. В их семье все любили детей. Она не могла даже представить себе, чтобы ее папа, когда-либо сказал так, как это сделал Зинин папа:

— Мне до детей нет дела. Они уже большие, проживут без меня.— и ушел к другой молодой женщине.

Папа был очень близким человеком, которому можно было задавать вопросы по всем жизненным делам и всегда получать от него ответы. Сонечке нравилось готовить с папой вместе еду. Они обсуждали все — от сотворения мира до сегодняшнего дня. Тем, что Сонечка выросла умным, пытливым человеком, она обязана папе.

После ухода папы в доме Зины поселилась смерть. О папе никто не вспоминал, мама ходила неживой. Никто не смеялся. Старший брат взял на себя управление семьей. Он был хорошим, но Зине не хотелось его слушаться. Брат — это не отец. А отец ни разу даже не приехал и не позвонил. Одним словом, вырвал их с корнем. Зина первый год плакала от обиды, а потом начала его забывать. Ну, нет, так нет.

Студенческие годы — веселая пора. Пролетели они быстро. На пятом курсе надо было уже думать о будущей жизни и распределении. Сонечка была из Таганрога. В Таганрог распределений не было. Зинуля была москвичкой, но ей надо было выйти замуж или получить письмо-открепление на свое личное трудоустройство. Был бы отец с ними, он бы такое письмо достал, а у брата связей не было. Оставалось замужество. За все четыре институтских года никто из мужчин на сердце не лег. Были легкие свидания, походы в кино, поцелуи в подъезде, но все это не трогало сердца.

У Сонечки был друг Эдик. Они были из одной группы, часто вместе готовились к экзаменам, часто смеялись, ели один пирожок на двоих и бегали в кино. После каждого фильма долго и горячо обсуждали увиденное. Те первые иностранные фильмы, которые стали появляться, будоражили ум и будили воображение.

Они оба учились на повышенную стипендию. Внешне и внутренне ребята были хорошей парой, но на четвертом курсе, на майские праздники случилось следующее.

— Сонь, моя мама приглашает тебя, ну со мной конечно, к нам на праздничный ужин. Ты придешь?

Софья зарделась, у нее вспотели ладони. Она, оказывается, уже давно ждала приглашения в семью Эдика. Хотела, но боялась его мамы.

— Эд, а что мне надо принести?

— В каком смысле? В смысле еды? Ничего не надо, у нас папа недавно два пайка получил, и у нас все есть. Купим цветы и все. Да ты не переживай. Ну, понравилась ты маме или нет, какое это имеет значение? Главное, что ты мне нравишься.

— А ты мне не говорил, что я тебе нравлюсь.

— Вот кокетка, ветреный ребенок, а еще физик. Чего бы я тебя звал, если бы ты мне не нравилась?

— Ладно, Эд, а что мне надеть?

— Ничего. Легкая накидушка и пара перьев в волосах не будут лишними. У тебя что, много платьев? Ну, вот видишь, имея одно платье «на выход», проблема решается просто.

Они купили тюльпаны, и еще Сонечка специально для мамы Эдика купила маленький букетик душистых фиалок.

С хорошим настроением они вошли в дом. Мама Эдика Соне понравилась. Она с доброю улыбкою приняла цветы и поставила их в вазы. Сонечка поставила бы их так же. Фиалки в маленькой хрустальной вазочке на стол, а тюльпаны на тумбочку. Контакт получился. Эдик куда-то исчез, а Соне его мама дала приборы и попросила помочь ей накрыть на стол. Сонечка с радостью согласилась. Соня помнила, как мама накрывала праздничный стол, как сверкали бокалы и всегда были цветы. Теплое праздничное настроение наполнило ее душу.

— Все готово, Марта Самуиловна. Что еще нужно сделать?

— Нет, не так, девочка, вилки должны лежать зубцами вниз, а ножи должны быть повернуты лезвием к тарелке. И еще фужеры надо поменять местами.

Соня очень хотела ей сказать, что ее мама учительница и знает, как надо накрывать на стол, но она себя сдержала. Она вяло улыбнулась и все переложила, как ей велели. Эдик не появлялся. Возможно, его отравили, чтобы познакомиться с будущей невесткой поближе, но Соне было уже все равно. Жгучая обида за маму вызвала у нее слезы на глазах. Она не могла больше находиться в этом снобистском доме, где не работают на заводе, а получают министерские пайки.

— Марта Самуиловна, вы меня извините, но я вспомнила, что мне надо срочно купить маме одну вещь. Совсем забыла. Пойду, приятно было с вами познакомиться. Всего доброго. Эдику я потом все объясню. До свидания.

Марта Самуиловна смотрела на Соню с пониманием. Да, девочка умная, умеет себя вести, ну, семья у нее, конечно, простоватая, не такую жену она хотела бы для своего сына, но он сам сделал выбор. Пусть и разбирается. Девушка не плохой вариант. Ее бы немного ограничить и можно принимать в семью, но сын сам решит.

Эдик очень долго не мог понять причины Сониного ухода. Для него было пустым делом, как лежат ножи и вилки. Под конец разговора он рассердился и назвал ее «дурой». Этого она ему вообще простить не смогла, и между ними пролегло непонимание.

Вот так Сонечка не вышла замуж за сына министерского чиновника, москвича, а уехала по распределению в Тьмутаракань.

— Зинуль, познакомься, это Аркадий, а это моя младшая сестренка. Она оканчивает биологический факультет пединститута, так что вы скоро с Аркадием будете коллегами. Он работает в одном закрытом

учреждении и уже защитил кандидатскую диссертацию.— Зинин брат разливался соловьем. Он очень хотел благополучно устроить судьбу сестры, но как это сделать, кроме замужества, не знал.

Навстречу Зине из-за стола поднялся молодой симпатичный парень. Довольно высокий, блондин с темными глазами, но как только он улыбнулся, вся его симпатия куда-то исчезла и на ее место пришло ощущение уродства. Верхняя челюсть Аркадия выдавалась вперед и два передних зуба заходили один на другой. «Суслик»,— пронеслось в голове Зины.

Зина ловила себя на том, что не может отвести глаз от этих скрученных зубов. Она знала, что это нетактично и некрасиво, но глаза ее все время подводили. Аркадий смущался, а брат злился. Светская беседа о том, когда экзамены и чем она думает заниматься, быстро закончилась. И Аркадий начал прощаться. Было видно, что милая: круглолицая, живая и непосредственная Зинуля ему понравилась, но также было видно, что он произвел на нее удручающее впечатление.

— Слушай, ты откуда выковырял этого сурка? Это с ним ты пытаешься построить мою дальнейшую жизнь? Чтобы я все время смотрела на него и прятала от него сухари, чтобы он их не сгрыз?

— Ты что? Совсем глупая? Ему 28 лет, а он уже кандидат наук! Он же ученый! У него будущее, а ночью все равно какие там зубы!

— Какой еще ночью? Тебе лишь бы меня с рук сдѣхать. Я уеду по распределению, а ты себе найди сурчиху и спи с ней ночью. Я должна любить своего мужа, а не его диплом. Неужели тебе это не понятно? Он биолог и не может себе выправить зубы?

— Ему предлагали, но он боится.

— Господи, он еще к тому же и трус! Кого ты мне подсовываешь? А у вас в институте нет ребят с прямыми зубами?

Да, таких не нашлось, а время шло и довольно быстро. Самое интересное, что Зинуля больше Аркадия не видела, но по телефону разговаривала с ним часто. Ему она нравилась, и он все время ходил с разговорами вокруг да около, пока однажды Зина не посоветовала ему сделать операцию и после этого засылать к ней сватов, потому что ей интересно с ним общаться. Сказано было со смехом. Она знала, что он никогда на это не пойдет. Все, слово не воробей — вылетело, не поймешь!

Вот так Зинуля отказалась выходить замуж без любви и попала по распределению в Тьмутаракань.

Встретились и познакомились девушки в гороно города Куйбышева. В институте они видели друг друга, сталкивались, но знакомы не были. В гороно им объяснили, что свободных мест нет и поэтому их направляют в районный центр Колдыбань, находящийся в сорока ки-

лометрах от Куйбышева. Там построили новую школу-десятилетку и поэтому нужны учителя. Детей надо учить!

В Колдыбани все повторилось. Новая школа, оказывается, была построена в селе Горюхино, что в десяти километрах от райцентра, на реке Иргиз. Село большое, до войны тысячу дворов в нем насчитывали, а сейчас, конечно, меньше, но дети есть и много. Поэтому школу и построили. Всем же понятно: коммунизм — это молодость мира и его возводить молодым! Их обвели вокруг пальца, но комсомолки и отличницы ничего не смогли с этим поделать.

В Горюхино ехали в кузове открытой машины. Была страда. Шел хлеб. Его везли поездами-прицепами на элеватор в Колдыбань со всего района. В воздухе стоял запах нагретого зерна. Запах был вкусный и родной. Настроение у девушек было хорошее. Ну и что, что деревня? Мы все вытужим!

Председатель колхоза был бывший фронтовик. Вылинявшая гимнастерка с орденскими колодками была с черными от пота пятнами.

— Так, девочки, учительствовать, значит, к нам приехали? Добро! Одна, значит, физик и механик, а другая биолог? Ладно. Я почти что понял. На три года к нам? По распределению? Ладно. Жить вместе хотите или по отдельности? Ладно. Я думаю, что вместе вам будет веселее. У меня здесь Клавдия, доярка, есть. Чистая баба, справная, она недавно овдовела. Хороший мужик у нее трактористом был, так по пьяной лавочке под собственный трактор угодил. Слез было... Ладно. К Клавдии и поселитесь, и ей не скучно будет одной. Да за ваш постой ей ведь платить будут. Тоже пара копеек не помешает в дому-то. Вы вот что, девочки, если чего надо, обращайтесь. Чем смогу, тем и помогу. Ладно. Спецодежду мы вам выдадим. У нас без нее нельзя. Устраивайтесь. К директорше школы идите. Она уже вас ждет. Петька, проводи учительниц в школу, а их вещи сvezи к Клавдии в дом.

Председатель заскорузлой рукой пожал им руки, и они в сопровождении Петьки пошли в школу.

Так и началась их трудовая жизнь. Школа, действительно, новая, хорошо оснащенная, учителя им были рады. Они с их плеч сняли нагрузку, а то один преподаватель вел два — три предмета.

Клавдия оказалась молодой, чуть за тридцать, миловидной, женщиной. В избе чисто, двор подметен. Куры сидят за сеткой. Занавески на окнах белые. Запах в избе сдобный. Пахло хлебом.

Не сразу, но они устроились и притерлись друг к другу. Валенки, резиновые сапоги, телогрейки, тулупы, одеяла с подушками и пакетом постельного белья им привезли на телеге. Такое начало жизни им понравилось. Клавдия взялась им за деньги готовить еду. Это их устраивало. На них была уборка в избе и баня. Раз в неделю надо было натас-

кать воды и вытопить баню. Вот с этим они намучились, но потом приспособились. Да, не так страшен черт, как его малюют.

Всякое в жизни у них здесь было, но полтора года пролетели незаметно. Скучновато только было. На танцах резвились подростки, а на свадьбах и праздниках так все упивались, что веселиться уже не хотелось. «Учителок» всегда приглашали. Это и честь была и дань гостеприимству. Одни они здесь. Вот о них и заботились.

А теперь метель трети сутки засыпает все снегом. Ни пройти ни проехать, а так хочется поговорить с мамой по телефону. Соскучились они по своим семьям. Вот что мешало им здесь счастливо жить. Даже отец Николай привез себе попадью. Тоже, видать, истосковался в одиночестве долгими зимними ночами.

Он на них посматривал, но это как литр и метр — ну невозможно им было соединиться. Разные миры!

Особенно сердце охватывала тоска, когда лил бесконечный дождь или вот так, как сейчас, все время воет ветер. Ну, может быть, завтра поутихнет? Клавдия как-то пришла из коровника и говорит, что коровы повеселели, значит, метель заканчивается. Они вначале на такие заявления переглядывались и смеялись, а потом привыкли, что Клавдины коровы умные. Надо у нее спросить, как там ведут себя коровы.

— Клав, а Клав, что коровы говорят? Метель скоро кончится? — прокричала Сонечка.

— А я с утра сегодня не ходила. Мы с Раиской поменялись. Ей за чем-то вечер нужен, а мне все едино. Так что мне они ничего не сказали. Да ты у Васьки спроси. Он нос лапой закрывает или уже нет? Умывается? Ну, значит, конец непогоде. Пережили и это. Сонь, я слыхала тебе в Колдыбань надо? До непогоды дед Матвей туда за чем-то собирался. Только он ведь на санях, не на машине. С ним, может, и Петька поедет. По такой дороге одному нельзя. Если хочешь в санях, то я с ним поговорю. Он сегодня на ферме будет. Ты думай и скажи мне.

На машине, на санях, да хоть на палке верхом! Соня до боли в сердце хотела услышать мамин голос.

— Клав, поговори, попроси, пусть они меня с собою возьмут.

— Ладно, девка, попрошу, только сама потом об этом не пожалей. Двадцать верст на санях по морозу — это плохо. Обморозиться можно. Но решать тебе.

— Сонь,— подала голос Зина,— подожди, когда все утихнет. После вьюги пару недель будет спокойно, и ты съездишь на машине. Чего гнать-то лошадей? Да еще этот дед Матвей с Петькой. Влипнешь с ними во что-нибудь. С ними вечно что-то случается.

Да, Зинуля права. Дед любил выпить и по пьянке утопил телегу в Иргизе. Хорошо, что хоть лошадь как-то выскочила.

— Зин, у мамы ведь день рождения. Понимаешь? И она не знает, что мы здесь зимуем, как на полярной станции. Я ведь говорю, что у нас все хорошо, весело. Маму я хочу услышать.

Зина молчала, только подозрительно засопела носом. Софа соскочила с койки и подошла утешить подругу.

— Ну, хочешь, я с тобою поеду? Вместо Петьки.

— Как же, возьмет вас дед обеих вместо Петьки. От Петьки в крайнем случае сила будет, а вы две, что сможете сделать, если коняка понесет?

— Это какая такая коняка? У него что, новая лошадь? А Маньку что, съели?

— Тьфу, типун вам на язык! Да кто ж ее, старую, есть-то будет? Все та же Манька у него...

— Ну, если Манька, тогда она не понесет. Ей уже сто лет в обед будет.

— Ладно, поговорю с ним. Давайте завтракать.

Вьюга стихла. В Колдыбань выехали затемно, путь не близкий, лошаденка староватая и в санях трое.

Сани у деда Матвея были произведением искусства. Их еще до войны сделал один плотник из соседнего села. Мастеровой был человек, жаль, что погиб. А вот сани-лебедушки остались. Их уж дед Матвей и холил и ремонтировал, но никогда никому не отказывал и всегда на них подвозил людей, куда надо было.

Видать за добрые дела и сани держались, не ломались. Или срублены были на совесть.

Одним словом — поехали. Дед с Петькой разместились на скамеечке впереди, а Сонечку, укутав тулупами и попоной, уложили на сено в сани.

Слабый ветерок дул в спину, Манька резво трусила по дороге, Сонечке было тепло, спокойно и уютно. Скоро она будет говорить с мамой. Незаметно для себя она заснула и проснулась только тогда, когда они уже остановились около почты в Колдыбани. Дед Матвей был доволен. Хорошо приехали, споро. Он подвесил Маньке мешок с овсом, обтер ее мешковиной и укрыл попоной.

— Ты, девк, долго не задерживайся. Дела на почте сделай, в магазин сходи и поедем в обратный путь. Зима ведь, выехать надо засветло. Поняла?

— Да, я все поняла, дед Матвей, час я думаю, ну, может быть, чуть больше.

— Хорошо, мы пошли с Петькой в магазин.

Перевод она отправила быстро. А вот телефонную связь пришлось ждать долго. Соединили сначала не с тем городом. Долго выясняли, что к чему, потом она услышала треск и далекий мамин голос.

— Софьюшка, радость моя, у тебя все хорошо? Ты здорова? Когда ты приедешь? Мы по тебе скучаем. Да ладно, куплю себе что-нибудь. Спасибо за деньги. Мы все здоровы. Ребята учатся, мы с папой работаем. Все как всегда. По тебе только очень скучаем. Далеко ты все-таки от нас. Приехать к тебе сложно. Не приезжать? Не надо? Почему? — тут что-то засвистело и затрещало.

— У вас осталась одна минута, кончайте разговор,— проворковала телефонистка.

— Мама, мамочка,— прокричала Сонечка,— я тебя тоже очень люблю и соскучилась...— в трубке что-то щелкнуло, и связь оборвалась.

— Девушка, девушка, вам надо доплатить еще полтора рубля за разговор. Вы превысили лимит.

Соня рассчитывалась с телефонисткой и не замечала, что по щекам текут слезы. Она очень хотела еще поговорить с мамой и с папой. Она не думала, что у нее так будет щемить сердце. Родные мои, далекие, как же я хочу быть рядом!

Пока она ждала переговоров, дед с Петькой сходили в магазин, купили продуктов и две белоголовки, которые торчали у деда из карманов. Увидев, что Соня плачет, дед расстроился и нервно затоптался рядом.

— Дочь, дома чего случилось? Помер кто, не приведи Господи, или захворал кто? Чего ревешь-то?

От дедовой заботы Софа заплакала еще сильнее.

— Во, дура-баба, ну чистый маскарад, все живы-здоровы, а она ревет. Петька, сходи с учителькой в магазин, посмотри, чтобы купила все по списку. Вишь, девка расстроена. Да побыстрее уже. Ехать пора.

Все было куплено, уложено в сани. Они поели хлеба с салом и соленым огурцом. Соня все вздыхала и судорожно всхлипывала.

— Соф,— позвал дед Матвей,— вот на, глотни на дорожку. Это не наш самогон, а хорошая водка, успокоишься, согреешься и уснешь. Да что ты так пьешь, как цыпленок? Сделай хорошие глотки. Ну, вот и хорошо. Полезай в сани, и я тебя укурю. Учителка, а чистое дитя. По мамке плачет. Никто не разберет этих баб.

Сонечка согрелась, от выпитой водки ей стало весело, она разулыбалась. Видишь, какой дед заботливый и вообще человек славный. Ей везет. Ее везде окружают заботливые люди. Все ее любят и хотят ей добра. С этими благостными мыслями Сонечка не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что вокруг было очень тихо. Не скрипели полозья, не фыркала Манька и не сопел дед.

Ни Маньки, ни саней, ни деда вообще не было. Она лежала посреди дороги на сене, которое сползло с саней, и ее уже стало заносить снежком. Соня вскочила на ноги. Никого не было видно. Кругом степь. Столбы просматривались, да и след от полозьев еще виден, но больше

никого и ничего. Кричать бесполезно. Ветер дул в лицо. Надо идти, пока не наступила ночь. И она пошла...

— Тпру... — Петька дернул вожжу.

— Но... — дед Матвей дернул другую вожжу.

Манька фыркнула и остановилась. Потом задрала хвост и в нос наездникам выпустила струю вонючего ветра.

— Итить твою мать! Да что ж ты делаешь? — замахал руками дед Матвей. — Так ведь и окочуриться можно. Ты чего злишь животное и тормозишь, когда она домой хочет, в стойло?

— Да мне по нужде надо.

— Ну, надо так надо. Иди, — дед оглянулся на Соню: досталось ей от вони или она спит, ничего не почувствовал.

Сани были пустые. Дед снял рукавицы и протер глаза. Он, конечно, вздремнул малость, но, чтобы девка исчезла и он не услышал, такого еще не бывало. Куда же она подевалась?

— Петька, а учителька с нами ехала?

— Ехала, а сейчас она где? — вполне разумно спросил Петька.

— А сейчас вот ее и нету. Убегла верно.

— Куда убегла? — не понял Петька.

— Дай Бог, чтоб не на небо! Поворачиваем и едем ее искать. Кабы не замерзла, мороз крепчает и ветер.

Соня прошла немного. Она не замерзла и не устала, но каким же для нее облегчением было увидеть на дороге увеличивающуюся темную точку. «Ну, точно дед Матвей едет, — подумала она спокойно и радостно. — Не забыли про меня, едут».

О том, что случилось, они, не сговариваясь, решили никому не рассказывать. Но со временем Петька проболтался, и к учительке Софье Иосифовне приклеилось неизбежное прозвище «Пропажа».

Заканчивался второй год их учительствования. После последнего экзамена Зина с Соней задержались в классе. Убирали весь экзаменационный реквизит. В дверь класса просунулась Петькина голова. Он дико вращал глазами и ухмылялся.

— Что горим? — строго спросила Соня.

— Не-е-е, — протянул Петька. — Во, к ней, — он указал глазами на Зину, — братан приехал.

Зина побледнела и выдохнула: «Мама...». Они обе выскочили в коридор. У школьного крыльца стояли двое молодых мужчин. Они спокойно переговаривались и улыбались.

— О, сестренка, как ты славно выглядишь! Загорелая. Да нет, с мамой все нормально. Мы вот с Аркадием решили тебя отсюда увезти. Помнишь Аркадия?

Рядом с братом стоял симпатичный молодой человек. Он улыбался, и пристально смотрел на Зину. Она растерялась. Какой Аркадий? Суслик?

— Это вы? — сумела она из себя выдать.— Я бы вас не узнала. Мы ведь с вами виделись всего один раз, да и то давно. Что вас привело сюда? Край вроде бы не близкий.

— Да, это я, а привели меня сюда ваши слова. Не помните? Вы мне сказали, что я могу к вам посвататься, когда сделаю операцию. И вот я здесь.

— Простите меня. Это была с моей стороны глупость, неразумная шутка. Я ведь не думала, что это так на вас подействует. Ну знаете, Аркадий, вы мне нравитесь. Не из-за исправленных зубов, а из-за упорства. Нам, конечно, надо было бы немного получше узнать друг друга. Мы ведь давно с вами не общались, но, скорее всего, я приму ваше предложение.

Они стояли в кольце односельчан, которые с интересом слушали весь разговор. Петька ликовал. Учителка выходит замуж, и он первый привел к ней жениха. Слухи об этом дошли до отца Николая, и он предложил обвенчать их в церкви. Молодые люди вежливо отказались. А жаль. Такое постоянство и упорство должно иметь благословение Божие!

На каникулы молодые люди уезжали все вместе. Только Зина, как жена Аркадия, уезжала к мужу, а Сонечке надо было отработать еще один год. Она радовалась за подругу, но печалилась за свою судьбу. Годы идут, а рыцаря на белом коне что-то не видно. Ладно, она съездит домой и там, как всегда, отгадет сердцем.

Таганрог был родным городом. С одним учился, с другим крестился, с третьим замуж выходил, как говорится. Все тебя знают и поэтому проявляют бесцеремонность.

— А что, Софочка, вы еще одиноки? Замуж еще никто не позвал? Такие вопросы она слышала все чаще и чаще.

— Пап, найди мне какого-нибудь мужа. Меня эти досужие сплетницы уже одолели.

— Ну, что ты, родная, какой-нибудь муж тебе не нужен. Муж обязательно должен быть любимым. Иначе сил на всю долгую жизнь не хватит. Ты не думай об этом. Господь позаботится, и все сложится само собой.

Соню такой ответ не устраивал. Какой там Бог будет о ней заботиться? И где до сих пор этот Бог отсиживается? Все уже детей имеют. Одна она вековуха. Обидно и горько, но плакать не хотелось. Значит, не раскиснет она, переживет и это.

Надо было глазки строить отцу Николаю, а то все «комсомолка, комсомолка». А он вот взял и привез себе попадью, а они ведь с ним хорошо разговаривали. Он ее понимал. Странное дело, ей нравился отец Николай. Она вспоминала его загорелое сильное тело, и что-то ныло у нее внутри. Эдика с вилками его мамы она уже забыла, а вот Николая помнила. Но не зря же говорят — одна у попа жинка. Все, поезд ушел и ничего не воротишь. Такие мысли приходили и уходили. Горько не было. Может быть, еще, действительно, все впереди.

Была середина августа. Соня, дорожившая каждым днем, проведенным в семье, все откладывала свой отъезд в село Горюхино. Ей теперь одной надо было там куковать. Зинуля звонила и сказала, что получила открепление и что ей нравится быть замужем. Еще сказала, что они с мужем поедут в Минск и, возможно, на обратном пути к ним заедут, навестить и покупаться в море.

Они приехали втроем на машине друга Аркадия. Машина напоминала американский додж времен войны. Она была очень интересная, и поэтому в первое мгновение Соня с интересом рассматривала ее, а уже потом рассмотрела хозяина. Он не был высоким. Возможно, из-за того, что широкие плечи делали его кряжистым, но веселая улыбка и измазанная щека в Сонечкином сердце подняли волну нежности.

Сердце гулко застучало по ребрам. Ладони вспотели. Привычным движением она вытерла их о юбку ситцевого сарафана, проведя ладонями по бедрам. Движение получилось простое и, в то же время, женственно-призывное, потому что приезжий гость с интересом за нею наблюдал и улыбался. «Он уже мужчина,— пронеслось в голове у Со-ни,— и он понял, что мне понравился».

Носового платка под рукою не оказалось, поэтому она задрала подол сарафана, подошла к нему и сказала:

— Можно я вытру вашу щеку? Вы вымазались машинным маслом,— и уверенным движением стала вытирать его лицо.

Хозяин доджа радостно улыбался. Ему понравилась эта естественная девушка.

Сонечка знала, что теперь она будет заботиться о нем до конца своих дней.

